

Андрей Драгунов

Past Continuous Tense

избранные стихотворения

Андрей Драгунов
Past Continuous Tense.
Избранные стихотворения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22202613
ISBN 9785448352546*

Аннотация

Рукопись книги более десяти лет считалась потерянной, тираж книги был небольшой. Оставалось только несколько стихотворений. Случайно рукопись нашлась и обретает вторую жизнь благодаря Русской гуманитарной миссии и Евгению Примакову.

Содержание

Натюрморт	7
Сентябрь, 1992 года. Варшава	7
Натюрморт	9
ЗИМА	11
«Я как рыба в стекле, за которым лишь комната и...»	13
«Деревья приветствуют гладь залива...»	14
«Двери хлопают, не оставляя дыр...»	15
Вариации	16
Одному архитектору	18
Попытка опыта	20
In the cool of the day...	24
Памяти П. И. Драгунова	27
«У географии искать пространства...»	28
«Закончилось лето. Сезон дождей...»	29
Владимиру Каратаеву	30
Вспоминая осень	31
Обстоятельства места	33
Летний полдень в городе	34
«Не воскресить утраченную радость возможной встречи. Или переписка —...»	36
«До поздней осени, до пригоршней листвы...»	38
«Следы заметёт и не будут заметны следы...»	39

«Зачерпни рукавом той чернильной воды и петровских камней из Невы...»	40
«Чаинки на дне скорлупы разговорчивей гущи кофейной...»	41
«Не осталось ни памяти, ни фотографий в стекле...»	42
Отъезжающему	43
«Вновь я вижу тебя в сугробах в родных широтах!»	44
«Не прохладней водицы в реке с наступлением дня —...»	45
Памяти Осипа Мандельштама	47
«С возвращением... или опять дребедень...»	48
«Из печного разреза в покусанный светом мрак...»	49
Фантазия на тему Англии	50
«Четвёртая зима под этим кровом...»	52
Второе ночное посвящение	53
Пейзаж	55
«Когда-нибудь и нас с тобой засыпет песок холодный...»	55
Из записок путешественника	56
«Что-нибудь из пустыни на память: мешочек с камнями...»	59
«Свой прежний вид не сохранив, увы...»	60

«Как странно писать снова – умер безвременно сын...»	61
Память места	62
Н.В.Гоголь	63
«1. Англия...»	64
Жизнь с восточной стороны	65
Отцу: с возвращением	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Past Continuous Tense
Избранные стихотворения
Андрей Вячеславович
Драгунов

© Андрей Вячеславович Драгунов, 2016

ISBN 978-5-4483-5254-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Натюрморт

Сентябрь, 1992 года. Варшава

С воспоминаний и с этого слишком серьёзного текста
всё начиналось... Я жил не взирая на возраст,
перебирал положенье вещей и себя – на бумаге,
строил корабль и плыл в неизвестность.
Переплывал залив в самом узком месте,
не оборачивался, если было худо,
терял друзей (в обоих смыслах),
чернил бумагу, думал о чувствах.
Громоздил слова, слушал речь с изнанки.
Задний ход винтам не позволял сроду,
заходил к тому, кто еще остался,
но не пробовал дважды войти в воду...
Из того, что было, я помнил лица,
из разговоров – смысл вкратце —
разобрав скворечник любимый, птица
предпочитает не возвращаться.

Перейдя за мост я думал о людях,
у которых есть рубль в кармане,
(как это было всегда) ... В омут
головой кидаясь – нужно с ногами!

Натюрморт

*Как кони медленно ступают, Как мало
в фонарях огня...*

Осип Мандельштам.

1

Я пишу это ночью в пустом гардеробе, один,
за закрытым окном, закрепив уходящее чаем.
Светлый дым поднимается... Термос – и он господин,
ограничив пространство тепла металлическим краем.

2

Где-то полночь справляют, как будто уже Новый год,
до которого столько ещё, что хватило бы многим.
Где-то есть гражданин, что, открыв перекошенный рот,
ковыряет слова, согревая озябшие ноги.

3

Ночь стоит за окном, как стоят за стеною часы,
как шуршат занавески, не двигаясь с места, на окнах.
Как стоят на морозе, меняя окраску, носы,
отделяясь от лиц, оставляя безносыми в стёклах.

4

Время – ночь. И погода такая, что вряд ли тепло
опоздавшим к автобусу на остановке конечной —

согревают подъезды, дыша в лобовое стекло,
растворяя стекло, как огнём растворяются свечи.

5

Перекрыты дороги, и фразы звучат через «мать»
милицейских кордонов – спиной к перекрытым дорогам.
И стучащих в стекло мотыльков я стараюсь поймать,
потому что зима, потому что замерзнуть – недолго.

1992

ЗИМА

О! эта зима:
слякотность снега,
настороженность бега
по льду. Пустые дома —

все уехали к югу:
жильцы, гувернёры, служанки,
взяв только санки
и летние письма к друг другу —

скудный багаж —
надежда вернуться до срока:
пустая морока,
совершая подобный вояж...

Остановки в пути —
мокрый снег, гололёд.
Ветер жалобней птиц – перелёт.
Крошки птицам – в горсти.

Холодно здесь,
леденелый подъезд —
полустанок, разъезд —
нежданная весть...
Одиноко в дому,

где гуляет погода —
больше времени года —
совсем одному —

ощущенье слона
в зимнем городе —
мёрзнет, вроде бы —
это зима!

1993

«Я как рыба в стекле, за которым лишь комната и...»

Я как рыба в стекле, за которым лишь комната и слабый свет от окна, сквозь невымытые – пятнами стёкла — различаю едва в полумраке твои кругали по периметру комнаты в тапках, подошвой стёртой. По невымытым полам, пожелтевшим от чая и слез, ограничившись комнатой и темнотой коридора, ожиданьем любви, поцелуя, нечаянных грёз... — ты стояла внутри, за стеклянной коробкой, Пандора. Даже если, когда от тебя оставался лишь дым, запах ветра, дешевых духов, сигарет, анальгина — ты всегда уходила в ту часть полуострова Крым, за которым лишь море, лишь море и черная глина — я тебя ощущал, нет, скорее, я видел тебя в отражениях темных зеркал в черноте коридора...

1993

«Деревья приветствуют гладь залива...»

Деревья приветствуют гладь залива
ровным шелестом листьев. Момент прилива,
раздражение луны в накативших волнах —
на песок, на гальку. Тяжёлый воздух
в мелкой сетке листов пробивается к молу,
отягчённый дневным гудением слова...
Пальцы трогают воду. Песок на пальцах
напоминает приезд скитальца —
на берегу. Одинокой мачтой
качается пристань – ответ к задаче.

1993

«Двери хлопают, не оставляя дыр...»

Двери хлопают, не оставляя дыр,
даже в пыльных окнах, в густом заборе.
Вооружившись сознанием дыр
позвоночных статуй в смешном уборе —
я пишу эти строки. Вокруг жара.
Двери хлопают. Лето идёт на убыль.
Даже юг отстаёт, что твоя кора
отстаёт от дерева, рождая уголь.
Двери хлопают. Лето идёт к концу
раньше времени, быстро меняя даты,
меня зелёный на: «Вам к лицу
этот желтый... Вы еще не женаты?..»
Двери хлопают. Птицы летят на юг,
остальные на север, собрав пожитки,
замыкая тем самым круг
отпускных увлечений – считать убытки.

Двери хлопают в такт миллионам рук...

Вариации

1

Я пишу из другой, уже прожитой где-то жизни
эти строки, оставшись один на один с непогодой.
Красавица на границах отчизны,
теряясь в догадках справляется с модой...

2

На чужом языке, раздвинув дверной проем
до размеров дома, приезжий руками адрес
объясняет прохожим: «Там был еще водоем...» —
опустив рукава до ботинок, картавя адрес.

3

Под ногами вода, что готова разбиться в лед
с наступленьем зимы. И мокрые парки – в иней
тяжелее воды. Скоро кончится перелёт
диких птиц и отложат вылет.

4

С наступленьем зимы меньше лиц в толчее дворов
на заснеженных лавках. Ступени сырых подъездов
согревают сильнее святых даров
в тесноте пещеры. Холод отъездов...

5

В двух словах о любви, как о пролитом молоке,
из случайных рассказов соседей сверху,
из случайной встречи зимой... В реке
не утонет лед, не разбив отметку...

1993

Одному архитектору

1

Площадь Марка Святого, огонь за решёткой, дрова,
(за решёткой каминной), что впрочем, совсем и не важно.
И Венеция вечером прячет свои купола
под картинным стеклом, опершись на треножник
бумажный.

Город вечером пуст, как туристу алфавит, букварь,
словно маленький варвар, пытаюсь кричать – Помогите!
И ещё пару слов для знакомства – весь скудный словарь,
разве что от бессилья – по-русски вздыхая – Пустите...

Щебетанье за столиком в маленьком белом кафе:
«Как это будет по-вашему – „кофе“? Простите...»
Беглый солдат – для истории не в галифе
шепчет своим подчинённым: «Ему отпустите...»

2

Как это будет: «Люблю Вас, люблю Вас!» сказать?
Нет, не сказать – прошептать, отправляясь обратно.
Я не хочу уезжать, не сказав Вам опять,
впрочем опять – это будет уже тоекратно.

Если опять, то до встречи, до встречи зимой
в городе этом, хотя здесь нечаянна встреча.

Длинный, январский отправился поезд пустой...
Только осколок гудка итальянского. Вечер.

1993

Попытка опыта

1

Попробовать вернуться? – что ж опять
трясти диван на крыше деревянной
грузовика, что тянет время вспять?
Как постамент – попытка Донны Анны
вернуть изображение на кровать —

подобный ход изрядно упрощён
агентством ТРАНС по перевозке грузов,
как укрощён огромный водоем:
плотиной, ротором и толщиной шлюзов,
переместив его в дверной проём.

2

Искусство – способ – переход назад
во времени, пространстве – время лучше,
где существует посторонний взгляд,
следающий напряжённо, не гнетущий.
Искусство – время, ветер, Летний сад...

Вернуться. Отозвать друзей назад,
собрать гостей в квартире коммунальной,
разлить вино. Зеленый циферблат
перевернуть к стене почти банальной,
как за окном вспотевшим, город-сад.

3

Словарик развернуть на букве «Ж»,
что паспорт языка в момент отхода
ко времени. Почти что в неглиже
скушая женщина, не разбирая брода,
ведёт, успев состариться уже.

Строений ряд вдоль главной мостовой
окошками во двор, дверьми на север,
как будто на развилке вестовой,
ждёт извещения. сжимая липкий клевер
в своих руках. Как в омут головой...

Разрушили. Попытка отвести
взгляд от руин: кирпич, стекло в бумаге...
Желая скудный скарб перенести
в другой варьянт – хватило бы отваги
и сил его по улице нести...

4

Ведь даже призрак, покидая дом,
старается в него не возвращаться,
терзая парки нить, оставив на потом,
возможность с домочадцами встречаться,
попав случайно в свой когда-то дом.

5

Фонарь времен посредственной войны
за переход (почти что через Альпы

Суворова). Отчётливо длинны
фасады зданий – каменелость фальши.
Строений старых крыши не видны.

И с «колеса» взирая на пейзаж,
посредством детского игривого участка,
досадно опускаешь каждый раз
глаза, не встретив призрачного счастья,
вдали за башней, что жива сейчас,

как жив и я под новым потолком,
вдали от шума городской управы,
забив окно тяжелым молотком —
перед трибуной слышно крики «Браво!»
Допив свой чай холодный с молоком.

6

Воротишься обратно – без друзей:
иных уж нет, а те уже далече...
Откроешь дом, сорвав печать с гвоздей,
забыв про обещанье петь при встрече,
воротишься – встречай своих гостей.

7

Попробуешь обратно все вернуть —
получится «Словарь живого...» – Даля,
успев, как следует, одежду отряхнуть,
желая воскресить надежды дали —
живого нет здесь места – ни чуть-чуть...

In the cool of the day...

Игорю Кучину.

1

Я мальчика увидел, он смеясь,
бежал навстречу – нет, немного мимо.
Разлаживал сандалией ниток вязь,
подобьем шестикрылым Серафима
на берегу – столетий тонких связь.

2

Прозрачный день. Рука скользит к виску —
боль головная раздражает... Вечер.
И непрерывной ниткой по песку
танцует тень – огонь немногих свечек,
дань отдавая мокрому песку.

3

День был как все – за исключением лет,
когда мы вместе жили у фонтана.
Страна уже настроила ракет,
открыла атом, кран, лицо Ивана
и бесконечно дальний Новый Свет.

4

Литовский вариант сошел на «нет».

Сошлись соседи. «Призрак» не уехал.
По истеченье очень многих лет —
дорогу переходят не по вехам,
а по скопленью стареньких газет.

5

Война закончилась еще до сентября,
и дети поспешили чинно в школу —
учебники, цветы, блеск букваря,
учителя, цветы! и тост за школу.
Распевки под баян и под «ля-ля».

6

Желанье выпить. Мокрый календарь —
истории уходят за друзьями.
Попытка перейти из «ныне» в «старь» —
обычно завершается слезами
и возвращеньем слова «жизнь» в словарь...

7

Глагол «уйти» – возможность ничего
не понимать и оставаться дома.
Не возникать без дела и всего
один лишь раз попробовать другого
глагола – «умереть». И ничего...

8

Смерть наступает будто бы зима...
И, кажется, словесная отвага

не стоит ровным счетом – ни черта!
Глаза подслеповаты – будто влага
размыла тень – прозрачная черта.

9

Оконный силуэт слегка размыт:
дождём? слезой? – не расторопность зренья.
И, кажется, из мрамора отлит
прошедший день – наказанность забвенья.
Из радио оркестр не звучит.

10

За дверью ветер воеет на трубе,
стучит в окно, замочками играет...
Напоминает чем-то о тебе...
Стучит еще и... улетает,
сыграв «прощай» на каменной трубе.

1993

Памяти П. И. Драгунова

Две войны отстучав под приказом – «Ни шагу назад!»,
за короткое слово разжалован был в рядовые —
завсегдатай немецкой культуры российский солдат —
дипломат, губернатор, спаситель – теперь в вестовые.

Мне отсюда к тебе дотянуться, как в старом кафе
дотянуться до соли к соседнему столику – вряд ли.
В мятой серой рубашке, в истлевших почти галифе —
Чик – чи – рик – воробьиное крылышко – с памятью
прятки —

где-то там есть разбитый альянс с пятилетней войной,
с телефонным пунктиром в до боли знакомой тетрадке.
И знакомство в Восточной – еще не Советской, с женой,
и немецкий gottlich, и российские святки...

январь, 1993

«У географии искать пространства...»

У географии искать пространства.
Клеймить историю за вероломство.
Страницу желтую любить за сходство
с лицом старушечьим, что из господства.

Кораблик маленький пускать без паруса
медалью, паспортом, двуликим Янусом.
Рубашки ворот на кнопке розовой,
что воротник на сук березовый...

Ложатся волосы. Подруга шепотом:
– Теперь мы вместе, а после, что потом?..
Окно в косынке – цветастым облаком:
– Потом в деревню – пешком иль волоком...

1993

«Закончилось лето. Сезон дождей...»

Закончилось лето. Сезон дождей.
Невозможность уехать из южных провинций.
Вариации солнечных лучей
в пожелтевших листьях. Чужие лица.
Зонтики, шляпы, открытые окна
на пыльные улицы, ветер с моря
в ночное время. Пенный локон
мокрой богини, с ветром споря,
остывает у моря...

Холодный песок и гряда камней
за курортной зоной, брошенный зонтик.
Причудливая игра теней
босоногих подруг. Купальный бантик,
полоска под ним – куда белей
потолка в гостинице и квартире...
На горизонте парусник тем сильней
разрушает зреньё, чем он унылей,
чем он постылей...

август, 1993

Владимиру Каратаеву

Я иначе представлял себе твой город,
жаль, что снегу навалило слишком много...
Сорок лет существования в убогом
месте – слишком далеко от неба,
как в романе, где герой уже не может
покидать самостоятельно деревню.
Бабушкино тихое: «Быть может...» —
все кружится стрекозиной тенью
прошлого немого, в окружении
окон, детских тапок, светотени...

1994

Вспоминая осень

1

Встреча снова – тихий звук по-русски
под бесцветным небом с белым хлебом
облаков, означенная узким
смыслом путешествия и бегом.

Если верно, что бумага это стерпит,
что точнее было бы – и это,
то желание остаться в этом свете
посильней желания атлета...

2

Скоро осень. Солнечные зайцы
в Рай ли, в Ад ли – новое знакомство
с небесами, оставляя пальцы
клавишам в пределах солнца,

солнечной системы, проще – круга.
Описание словесной непогоды —
суть вещей в опровержении юга
севером – все дальше год от года

3

и заметнее. Слова лишь на бумаге
смысл имеют – в двух словах о прошлом.

И при встрече – Как там, в Магадане? —
все метёт? – все разрешив вопросом.

Все метёт... В родных своих болотах
дальше носа иногда не видно,
оставляя память... Каково там
с этой памятью – не слишком длинно?..

1994

Обстоятельства места

Так начиналась чужбина: с постели, с чужой кровати...
Руки в последней муке – не обмануть себя.
Так оставался образ с детства знакомых понятий
в лавке, набитой плотно буквами для букваря.

Так оставляют женщин – поздней, ночной, унылой
осенью – больше жеста первой земной листвы.
Так жмутся в судорогах или с последней силой —
и ни ошибки больше этой земной души...

Так фонари в подъездах, не уступая свету
бледной луны, набухнув от наступленья тьмы,
слепнут, оставив лепту
в ваттах своих подъезду, как оставляют сны.

Так затихает город в листьях бумажных тонких
точками за возможность не зажигать огни
ночью. В сплошных потемках
за городской стеною – здесь остывают дни.

Так за последней строчкой стихотворения – больше
только окно с возможным видом на старый дом
или на градусник, в общем:
крыши, заборы, трубы, лампочки... металлолом.

Летний полдень в городе

1

Когда наступает лето в краях, увы,
не знавших до толи света и синевы
неба, тем паче воды —
речь застывает в своих громоздких: «Ну надо ж,
это все же случилось...» – такая залежь
красноречия с суммой вещей, к тому же —
это больше «ах» в заботе о муже.

2

Пыль ложится на вещи, теряя свойства,
вызывая не радость, но уже расстройство
с мокрой тряпкой, в руках святого семейства.
Летний полдень. Город куда пустынной
поля боя в одной азиатской пустыне,
в местности, помнящей казни хана
в полдень на площади. Бездыханна...

3

Время проворнее в летний полдень.
Муха бьётся в стекло. На полдник
кисель, печенье и рисовый пудинг.
Лето в городе... Пляжи полны вареных
голых тел и, слегка, соленых...
Воздаётся должное смыслу воды в стакане,

в луже, в озере, в океане.

4

Ветер жжет. Люди мрут, как мухи,
не разжимая при этом руки
своих любимых и, не снимая брюки...

Полдень. Потные шляпы, кепи, панамы,
тонущие, как войска США у берегов Панамы,
в остатках листвы, в соленой воде океана...

Я сижу, пью чай на краю дивана.

1994

«Не воскресить утраченную радость возможной встречи. Или переписка —...»

Не воскресить утраченную радость возможной встречи.
Или переписка —

та тонкая, оставшаяся малость последней речи адресату —
близко.

Стовиденный — за счастье не игры реальной жизни —
дальше «ниоткуда»

игра теней — последствия игры в ещё возможном
варианте чуда

и времени. За недостатком лет, но чаще места и в одном
из лучших

всех проявлений, даже, слабый свет становится тяжёлый
и гнетущий...

И за возможность знать, что не умру ещё в одном
не спешном и холодном

году зимой — лишь облака, игру, чью угадать почти что
не возможно,

да извещение с коротенький рассказ в истёртом
распечатанном конверте,

и океан, что будто в первый раз не получил известие
о смерти...

«До поздней осени, до пригоршней листвы...»

До поздней осени, до пригоршней листвы,
до шахматной игры за чашкой кофе —
еще дожить. До радостей зимы
в своих краях под сенью длинных сосен.
Дожить до снега или до любви
поволжских улиц, на которых больше
разбитых стекол – рыбьей чешуи,
чем слов в почтовых ящиках —не больше...
Дожить до перехода в календарь
родных имён, до первой непогоды
в словах и жестах – первое в словарь,
второе в жизнь, что меньше год от года..
Дождаться снова лета и в один
из дней погожих переехать к югу,
границе, к морю. Северных равнин,
оставив даль, простивши всё друг другу...

1994

«Следы заметёт и не будут заметны следы...»

Следы заметёт и не будут заметны следы,
и бабочка крыльями в белое, нитка в иголку...
Последнее чудо осенней замёрзшей воды —
декабрь под ногами – несут новогоднюю ёлку.

Кофейная гуща гаданием и вне игры —
на белое блюдце и дальше на скатерть с цветами,
на бабочку в белом. И больше холодной воды
в реке подо льдом, до которого только руками.

1994

«Зачерпни рукавом той чернильной воды и петровских камней из Невы...»

Зачерпни рукавом той чернильной воды и петровских
камней из Невы,
или брось напролом уходящие дни, уходящие дни и огни.
Из почтовых оставь лошадей... Голубей – распусти
на каналы, мосты.
Биржевой Колизей – собери, собери: по картинкам,
открыткам – в горсти.
Опиши облака и ненастные дни Петербургских времён
и дождей,
и в чернилах листвы навсегда сохрани голубиную
длинную тень.
А ещё опиши Александровский парк, листопад
и прохожих
следы
по заросшим аллеям, к которым назад лишь круги
Царскосельской воды.

1994

«Чаинки на дне скорлупы разговорчивей гущи кофейной...»

Чаинки на дне скорлупы разговорчивей гущи кофейной,
гадательной в блюде с каёмкою не золотой.

Табачная горстка в бумаге дымится и тлеет
над чашкой кофейной и над стаканом с водой...

Не узнанный утром пейзаж придорожного леса:
холмы в окруженьи реки, придорожные камни —
разрушенный слог – и для рифмы: отсутствие беса
в словесной игре, как из дома – дорога и ставни —
отсутствие дома. Чаинки осадком на дне,
в руках, точно иней, но я не берусь разобраться
в рисунках судьбы, как в рисунках на зимнем стекле,
с которыми жаль, но приходится мне расставаться...

1994

«Не осталось ни памяти, ни фотографий в стекле...»

Не осталось ни памяти, ни фотографий в стекле,
ни воды венецейской холодной в границах канала,
ни прощального крика во след уходящему... Где
будет встреча ещё, или свидеться нам – не бывало...
Отправляйся домой: столько лет без кола и двора,
собирай свой багаж – скудный скарб – неземные
пожитки —
в оправдание жизни, в которой одна детвора
оправданье всему, как ракушки, цветы и улитки...

1994

Отъезжающему

Когда в один из дней осенних,
помеченный листвою, утром
ты выйдешь к морю во спасенье —
оставь свои заботы другу —
другим. Не мешкай при отправке
с перрона ящиков багажных,
не жди ни слова, ни поправки —
они. скорее. из бумажных,
воздушных перепутий. линий —
словесное куда длиннее —
«язык до Киева...» – пустынной
от этих слов и тяжелее.
– Прости за перечень, – откуда
слова все эти с препинаньем
в руках и жестах?.. И покуда
есть поезд, поезжай с прощаньем...

1994

«Вновь я вижу тебя в сугробах в родных широтах!»

Вновь я вижу тебя в сугробах в родных широтах!
Птичий профиль скользит по снегу, по мёрзлой пене
облаков над тобой – каково там? —
в сумме мелких вещей не подчинённых лени.
В этих краях заблудиться в снегах – не новость.
В мёрзлой фразе – «Ау» – слышится голос предков,
или тех, кто осваивал эту область,
оставляя следы на снегу и ветках.
Жить здесь долго только полынь и в силах...
На ветвистых развалинах – голуби, как прощенье
за отсутствие почты сургучовой – милым —
после осени, или же отпущенье —
зимним делам. Заснеженные дороги —
больше травы, нежели километры
Бога! И достаточно строги
зимние песни и зимние ветры...

1994

«Не прохладней водицы в реке с наступлением дня —...»

А. Леонтьеву

Не прохладней водицы в реке с наступлением дня —
я пишу тебе в осень в своей царскосельской тетради —
возращенье в Петрополь с тобою, тебя без меня —
птичьей тропкой с вокзала, в окно и в билеты не глядя.
Я пишу тебе в осень... Твои потерялись следы
между Летним и Зимним, в заснеженном не Ленинграде,
после встречи на юге – еще далеко до весны
и до встречи, опять не весной, в Волгограде...
Я пишу тебе в осень и не удивляйся – стихи
продолжение жизни и списка. Слова на бумаге —
Слава Богу! – что живы. И полны верблюжьи мешки

на полжизни вперед не водицы соленой, но влаги...

Памяти Осипа Мандельштама

Ни витийства дорог и ни упряжи снежной метелевой
этой долгой зимы, и ни краски весёлой апрелевой...

Свет осколками зеркала выпал под ноги смотрящего —
настоящей зимой. Настоящей для настоящего...

Край господнего лета, заваленный белыми травами,
итальянской земли площадями, церквами двуглавыми.

Языка... или речи? – костра терпеливая музыка —
угольками на память, узлами, верёвкой на улицу...

Ни витийства дорог и ни упряжи снежной метелевой
этой долгой зимы, и ни краски весёлой апрелевой...

1994

«С возвращением... или опять дребедень...»

С возвращением... или опять дребедень
«американки» в плохую погоду.
Невская сырость, карельская тень...
или берёза – дивану в угоду,
или любимый осенний пейзаж:
листья в воде «грибоедовой лужи».
И в Александровском зимний кураж
листьев и снега в октябрьскую стужу.
И белокаменный или цветной,
и убегающий Смольный – по росту:
к миру, воде, или просто гурьбой...
но с возвращением к дому и мосту.

1994

«Из печного разреза в покусанный светом мрак...»

Из печного разреза в покусанный светом мрак
вырывается дым, как из рук булавка.
Проводя по щеке рукой, понимаешь – так,
вероятно, выглядел Бог, но ставка
велика на столько, что все слова,
продолжение мысли, увы, не лучшей,
мысли, сказанной вслух. И голова —
это только орган – так, на всякий случай...

1994

Фантазия на тему Англии

Англия – это туман, Тауэр, здание Лойда и... Холмс с невозможной скрипкой, трубкой, химией и чужими отпечатками пальцев,
с вечным вопросом – Кто виноват?.. Гонг — это к обеду. К обеду – немного дальше линии света. Набережных углы, лестницы с отражением света, зданий (точнее теней) и самой воды — пусты. Гондолы отсутствуют из-за географического положения, и уже не слеза слезает с ресниц, а ее отражение...

Англия ранним утром похожа на мытый сыр: голландский, швейцарский и, наконец, российский, но уже не мытый. В количестве дыр в этом сыре утонул однажды посол австрийский со всей своей свитой – уточнение — Не зная броду... – и подкрепление, как всегда, опоздает или увязнет где-то среди сыра и мата, (так, для предмета.)

Разговор о еде: овсянка – это что-то национальное или... Или. Но все же съедобно? В общем – да, если верить древним. Постучи по древу. Англия с ее строгим видом башен

похожих на день вчерашний, как, впрочем,
и на всегдашний —
строга. В крике чаек больше упрек и кашель,
нежели грозный призыв: «На башни!»
Люди так же строги, но об этом не стоит...
Ворошить прошлое, вещи (в пыли), писать повесть...
и так далее – в сумме...

Корабль возвращается в гавань к обеду.
Гонг – к обеду. К обеду... И крики на набережной: «Едут,
едут, едут...»

ноябрь 1994

«Четвёртая зима под этим кровом...»

Четвёртая зима под этим кровом.
Провинция в преддверии распада
на листья и угли. И тихим словом,
или словами возвращенье ряда
воспоминаний – посторонним взглядом.

Провинция – здесь место для любви
к отцам и жёнам – к первым, все же, больше.
И на воде замерзшие круги —
напоминание о том, что дальше...

Провинция... расти большой мой сын —
Империя – не место малой формы.
Откуда-то разрозненные сны
без продолжения – казалось бы, чего бы
тебе еще? И твой ответ – любви...

1994

Второе ночное посвящение

В. К.

1

Так и жить, как и есть – без ребра,
но с женой.

Малых пригоршней слов и добра —
не иной
музыкальности букв и значков
на другой
не прозрачной бумаге веков.

2

Так и жить. Ты в Москве безлошадной навек —
не женой.

Я в прокисших болотах под снег...
Не иной
вариант воровства —
у другой
на конец Рождества.

3

Так и жить... С отпущеньем грехов и звонков
на другой
из планет, в окруженьи болот и снегов —
не иной

вариации звуков – уже не с тобой,
не с женой.

1994

Пейзаж

«Когда-нибудь и нас с тобой засыпет песок холодный...»

Когда-нибудь и нас с тобой засыпет песок холодный...
Не выйти, не сходить к друзьям, не сесть в автобус,
не обрести из двух возможных третий
возможный вариант... Ни воплощенья какой-нибудь
одной заветной мысли...
Прости, любимая – я в этом не повинен —
нас разделило время... В этом больше
мне интересна речь и сочетанье словесное с последним —
Я любил...

1995

Из записок путешественника

1

С наступлением весны, зеленее ели те, которых зимой поглядели, не навесив шаров и звезду-макушку. Если стрелять, то стрелять из пушки...

2

Сколько тебе ещё жить на свете? — в этой, другой ли стране. Планете можешь дать лишь одно — себя в виде корма рыбам, птицам, червям...

3

Соглашайся плыть, но со спас. жилетом, оставляя деньги, ключи, при этом своим родным на случай смерти, чтобы потом не нашел в конверте

4

их кто-то другой, или в бутылке. Отчего постоянная боль в затылке у тех и других... О своей пропаже не заявишь рыбам, акуле, даже.

5

Но плывем... В этом что-то от древних истин
с грузом масла, вина, или чайных листьев.
Не лететь же птицей, жучком, вороной —
тоже, впрочем, птица – словарь не новый

6

в описании жеста. Чем хуже почерк,
тем чернее бумага и жизнь короче.
Продолжение оной и после смерти
зависит от суммы вещей в конверте —

7

(смотри чуть выше). Но после точек
остаётся, разве что, пара строчек
в завершении – роспись:
Ваш искренне... подпись.

8

Число, нотариус, точка. Дата —
фраза не ставшая здесь крылатой,
но ставшая дальше – избитой, мятой.
и, в конце концов, пахнет только мята...

9

Значит ма плывем... Разговор бездельник:
– Я оставил бы все только ради денег...
– Но они не стоят того, поверте...
И разговор опять переходит к смерти...

10

Боже мой! Как скучно, глупо и одиноко!
– Хотите, налью Вам воды с сиропом? —
официант. Направляюсь к мачте —
подняться на верх и решить задачу...

11

Что один из двух выбирает в смерти? —
жизнь с остатком любви в конверте.
Опять в конверте! Порукой почта —
жизнь кочается смертью – точно,

12

переплыв залив в самом узком месте,
оказавшись в дали и уже не вместе...
Что же – быть по сему – наливай из бутылки...
и пусть потом не болит в затылке!

1995

«Что-нибудь из пустыни на память: мешочек с камнями...»

Что-нибудь из пустыни на память: мешочек с камнями,
песка на ладоне – какая ничтожная малость!
Небесной овчинки неброской, которой руками
не взбить, не потрогать в пустыне уже не досталось.
И моря полоску, знакомую лишь по картинке
и по рассказам – на память. забывчивей слова —
воспоминанье, как в зеркале и на витрине,
в рамке бумажной, исписанной снова и снова.
Что-нибудь из пустыни... Раскрой свою старую книгу
на желтой странице – от времени и непогоды
прозрачней воды и за года доступнее мигу...
Что-нибудь из пустыни на память... – не трогай,
не трогай...
Сохрани все как есть – не ищи, не вези – постарайся,
что-нибудь на словах, на бумаге! – доверчивей слово
привезенных картин... В запятых при письме оставайся,
если можешь ещё... из пустыни... на память...
немного...

«Свой прежний вид не сохранив, увы...»

Свой прежний вид не сохранив, увы,
деревья осенью, размножившись листвою,
ждут заморозков. Голые сады,
как жители далёких мест толпою
на привокзальной... Выше головы —
лишь звезды, что традицию, не скрою —
слетать – украли у листвы...

1995

«Как странно писать снова – умер безвременно сын...»

Как странно писать снова – умер безвременно сын...
Ты мне, одинокий, пожизненно был письмоноском,
две жизни вложив мне в уста, как ошибку равнин —
по смерти, не став для судьбы летописцем.
И мне за строкой тебя спрятать – последние сны
о жизни – Прости, продолжение только при встрече —
беседы... Увидимся ль снова? – кого мне спросить?
Кто мне не ответит, отмерив две жизни на плечи?..
Плохая зима – комья снега в дорожной грязи —
в лицо и в дышалку, моё прерывая дыханье.
Две жизни – не много ль? – Что думаешь в этой связи? —
от Ада до Рая свои отсчитав расстоянья...

1995

Память места

Здесь когда-то машинки чинили и клавиши били по бумаге, насквозь многоточья пробив осторожно. И в подъезде, на лестнице рядом, все чаще любили теплоту батарей в декабре... Было очень не сложно в темноте различать номера на почтовых квартирах — ради двух поздравлений с рождением... И понемногу привыкали, со временем, к смене соседей и милых с номерами на ящиках и... на груди. Слава Богу! — это было уже... И с рождением новых детей забывали, увы, с номерами мирить время года, как собачью метки с оградой... Уже без затей проходя батареи во тьме, будто среднего рода... Может быть я один?.. Может быть еще кто-то другой из квартиры напротив напишет в письме виновато, что устал от тоски, что пора бы уже на покой — в старом доме, который не помнит... а дальше лишь дата.

1995

Н.В.Гоголь

Молчун, говорун ли, безвестный ли тихий проситель? — откуда мне знать — все сносилося до дырок в шинели... И нос «за понюшку» — не в тесте — простуды носитель: «Ну, как там в окне? Рождество-то уже проглядели! Ну, как там, в России? — не жостко ли спать на законе с потерянной гласной, согласной, с глаголом — не трогай?..

Как будто последний на грязном, замерзшем пероне — уже уезжаю, но только не плачу в дорогу...»

Откуда-то санки с возницей и точное время: московское? местное? — лучше подайка бутылку: перцовой? столичной? — а после с вопросами — Где я?.. Какая уж разница... Дай ка другую картинку...

1995

«1. Англия...»

1. Англия

И всё же Англия... За пеленой воды,
с Россией и Италией не споря.
В воде едва заметные следы —
чего? любви? – иль это ветер с моря?
Пишу любви. Откуда-то сполна
все оплатив, по времени и месту —
смывает след. И первая волна
подвластна разве только жесту
и то – Творца.

2. Из Англии

В этих краях мох и камни – целое
одно. С течением времени неизменное
в одном – в течении времени...
Чей это голос? Марии, разрешившейся от бремени.
Передавай привет часам на башне,
чайкам, воде с диаграммой прогресса...
Расскажи потом, что случилось с башней —
не из любопытства, так – ради интереса.

Жизнь с восточной стороны

1

Я застал тебя спящей.

Рядом на табурете лежали страницы какой-то книги.

Ты мне снилась такой уже, только раньше —
во времена кардиналов, дворцов, интриги.

2

Время. Позади уже прожитый первый год.

Сны всё чаще спешат вернуться

к набережным, перилам, дождям, в круговорот
воды, в которую не окунуться.

3

Всё чаще вижу тебя во сне с другой

стороны океана, дороги. Это,

кажется, снова вползло в покой

со стороны прошлых лет. Предмета...

4

Ночью сырость доводит чуть ли не до греха,

увлажняя подушку, облачный край разрушив,

заставляя думать, что, все-таки, облака

населяют сны, небеса и, тем паче душу.

5

В этом году, как ни странно, но выпал снег...
«Когда она в церковь впервые...» – сродни спасенью.
Стучат каблучки, может быть, по наитию вверх,
страдая от недосыпания и от волнения.

6

Кто сказал торопливо, что зимний пейзаж уныл?
География снега в твоё полушарье влетая,
оставляет тебе возможность искать следы
происхождения, смысла... скорее – Рая!

7

Из рассказов уже исчезает короткий смех —
здравствуй, мысль пониманья, что век не вечен
в своем продолжении. Кончится этот век
так же зимой. В новый год, что уже отмечен.

8

Помолись за меня с наступлением темноты —
в это время ангелы с крыш слетают
и летают над городом, придавая ему черты
твоего лица... И снег не тает.

1995

Отцу: с возвращением

Это клинопись лет в переплёте колец и листвы.
Это дерево, чьи позвонки не считай – не дочтёшься.
Это память, которой, увы, изо всей ерунды
и тамбовской земли под ногами уже не дождешься.
Десять дней после выстрела вверх и парадной Москвы
на каком-то ещё полустанке, за рельсами в доме
сочетание жизни, судьбы и горячей воды
с перевёрнутым звуком и словом – уже не в законе.
С возвращением. Твой вариант возвращенья домой...
Соглашайся пешком с полустанка идти до соседей,
что так долго ключи хоронили – в оставленный твой
дом, в который, наверно, грачи прилетели.
Это только твоё, что ещё может быть – только это твоё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.